

Г Р У П П А К Р О В И

КУМИТЕ

ИРИНА
ЛОБУСОВА

Харьков
«ФОЛИО»
2021

1.

Он выиграл чужие соревнования. Он понял это почти сразу, как только тоненькая ниточка сознания впервые пробилась сквозь плотно окружавшее его марево крови и шума. Все тонуло в зыбкой, багрово-красной дымке, все, абсолютно все... Только редкие островки звуков, пробивающиеся сквозь эту смрадную, окружавшую его завесу, говорили о том, что он еще жив.

Он выиграл чужие соревнования. Он понял это сразу, как только, поскользнувшись, вдруг впервые по-настоящему взглянул в подкараулившее его лицо страха. Оно следило за ним изо всех углов зала, пряталось под потолком, сидело на плече у каждого члена жюри и даже строило омерзительные гримасы из компьютера, на котором подсчитывали результаты... Отвратительная пародия на то, с чем он шел в этот зал. Тупое, глупое, злое, бесконечно уродливое лицо страха. И шум. Разноцветная толпа людей, которые, вскочив со своих мест, бешено скандировали что-то. Для того, чтобы понять, что именно, слуху (вернее созна-

нию) потребовалось всего несколько секунд: слетевшая со своих мест толпа бурно скандировала его имя.

Пятна солнечного света, лившиеся из стеклянных отверстий потолка, растекались в мелькающие круги на синем ковре из пластика. Он, сосредоточив взгляд, поймал с усилием один сверкающий круг, но в тот же самый момент понял, что именно ему и принадлежит то самое уродливое лицо с выпученными глазами — то, которое он принял за лицо страха. Это было его лицо. Именно его безумное выражение ничего не понимающих глаз, вытекающий из-под шлема тонкий ручеек темной крови, прорывающийся толчками в самый низ подбородка... Это был он... Он, выигравший чужие соревнования и отобравший чужую победу. Это открытие по-настоящему повергло его в шок, и именно в этот страшный момент какая-то сила подняла высоко вверх его правую руку. Сквозь марево он услышал, как весь спортивный зал скандирует его имя. Звук становился все четче, пока наконец не превратился в настоящий рев. Он понял, что в последнем и решающем поединке оглашают победителем его.

— Победу одерживает спортсмен в черной одежде! Победа в этом бое присуждается Юрию Сергееву, клуб «Черный дракон»!

Каждое громко произнесенное слово главного судьи сопровождалось тысячекратным ревом зала... Правый глаз противника, почти выкатившийся на красный шлем, ком-

ком дрожащей слюды пульсировал так, что было видно все оборванные нервы, и кровь, заливающая чужое лицо, застывала страшной маской — и внезапно ему захотелось туда наступить, чтобы больше никогда в жизни ничего похожего на это лицо не видеть.

Он вдруг остро и отчетливо понял, что это и было самым пугающим, самым страшным: он не испытывал даже злости! Он вообще ничего не испытывал к этому светловолосому мальчику, с которым часто встречался в одном спортзале, но на разных тренировках. Он не помнил даже его имени, и единственное, что про него знал, было только то, что этот парень ездил на зеленой спортивной машине и очень часто его сопровождала красивая девушка с рыжими волосами. Ездил... Зал по-прежнему сумасшедше скандировал.

Возле изуродованного им тела начиналось движение. Два врача в белых халатах, носилки, какой-то аппарат, похоже, с кислородом, шприцы — с обезболивающим? Что-то еще... Он и без врачей знал, что парень давно находится без сознания — сознание покинуло его еще тогда, когда он уложил его на пол. Еще когда почти держал в своих руках, зная, твердо и отчетливо зная, что не надо, НЕ НУЖНО применять ТАКОЙ ЗАХВАТ. ЭТОТ УДУШАЮЩИЙ ЗАХВАТ ПОСЛЕ НОКАУТА ВПОЛНЕ МОГ ЕГО УБИТЬ. И, ЗНАЯ, ОН ВСЕ РАВНО СДЕЛАЛ ЭТО.

Помимо глаза, он изувечил ему руку — вывернул ее из сустава, так, как будто это была пластмассовая деталь из детского конструктора. Разве он виноват в том, что ему попался такой хлюпик? Нет, он здесь ни при чем. И, несмотря на то что с него градом катится пот, он заледенел от внезапно пришедшей к нему мысли... Кровь на подбородке появилась не потому, что хлюпик так сильно его ударил, а потому, что он закусил губу в тот самый момент, когда принялся его убивать.

Именно убивать... Господи, эта правда была отвратительной! И подсознательно он чувствовал ее все это время. Вернее, начал чувствовать, как только стал приходить в себя. Под его ногами лежало изувеченное, полумертвое чужое лицо. Чужие соревнования. Чужая победа.

Парня положили на носилки. Из первого ряда — почти рядом с ковром, истерически крича, вылетела какая-то девушка. На свету блеснули ярко-рыжие волосы, а потом — стали тусклыми, как и все, что он намеренно не хотел замечать. Девушка бросилась именно к нему, а не к носилкам, изо всей силы замолотила кулаками по его груди. Через все то же марево, уже начинающее рассасываться, он вдруг услышал абсолютно четко:

— Будь ты проклят! Чтоб ты сдох, сука!

Двое вмиг подбежавших охранников быстро потащили девушку с ринга. Они буквально волокли ее к выходу, но

все равно издали он слышал, как она продолжает кричать. Вначале даже он хотел ей сказать, что очень сожалеет о случившемся, но потом подумал, что все это уже не имеет никакого значения. Разве только то, что это были чужие соревнования. Но девушка вряд ли сумела бы это понять.

В раздевалке было душно и невыносимо воняло потом. Прежде чем пойти в душ и переодеться, он терпеливо ждал. Ждал своего тренера Валерия Николаевича. Он прекрасно знал каждое слово, которое тот ему скажет. Каждый раз тот говорил одно и то же, независимо от того, проигрывал он или выигрывал соревнования. Однако в этот раз все было совершенно иначе: тренер не стал читать вслух вечных нравоучений, нотаций и обсуждать недостатки... Облокотившись о шкаф, он стоял и молчал. Впервые в жизни он заметил, что тренер смотрит на него с каким-то непонятным, необъяснимым страхом.

— Юра, в следующий раз тебя дисквалифицируют, — прозвучало вдруг в тишине.

— За что?!

— Ты хотел его убить.

Обвинение было настолько жестоким, что он стал защищаться:

— Это неправда! Как вы можете так говорить, ведь вы меня знаете! И потом, если б это было на самом деле, меня бы удалили с ковра.

— Да, так. Тебе присудили победу потому, что ты очень хорошо провел этот бой. Ты не нарушил ни единого правила, на твоём бое можно учиться. Но ведь ты знал, что к нему нельзя применять этот захват. Ты знал, что он менее опытный, по сравнению с тобой, ты знал, что это может его убить, и все равно так сделал!

— Я не виноват в том, что он не умеет драться!

— А ты? Что умеешь ты? Драться или убивать?

— Вы не имеете права... — Юрий вспыхнул, но тут же отвел глаза.

— Ты был прав, когда сказал, что я хорошо тебя знаю. И я знаю, зачем ты это сделал. Ты хотел показать, что ты мастер, что ты лучше всех, практически непобедим. Ты сделал это потому, что не умеешь проигрывать. И еще потому, что выигрывал слишком часто. Но вот тут ты поступил не так. И не потому, что на соревнованиях существуют определенные правила. А потому, что настоящий мастер не может убивать. Для мастера награда — сам бой, ведь это его жизнь. А для тебя бой — только желание выигрывать, слышать, как бестолковый зал в экстазе воет твоё имя. На самом деле это ты не умеешь драться...

Тренер замолчал. Уставившись в одну точку, Сергей тоже молчал. Он очень многое мог бы сказать, чем-то оправдаться, объяснить, что все это неправда, что он не хотел проводить этот бой... Но... все было бесполезно. И он продолжал молчать.

— Как мать? — Юрий понял, что тренер намеренно решил переменить тему. Наверное, подумал, что и так слишком много сказал.

— По-прежнему, — Сергеев старался, чтобы его голос звучал сухо. — Нет никаких изменений.

— Что говорят врачи?

— То, что и всегда. Операция. А операция — это сто тысяч долларов. Сами знаете.

— Мне очень жаль.

Он молча пожал плечами. Потом тренер ушел, и Юрий остался один.

В дверь постучали. Он выглянул на стук. Охранник небрежно бросил:

— Там тебя спрашивают!

— Кто?

— Иди и сам узнай! Я тебе что, швейцар?

Охранник его или недолюбливал, или просто завидовал, как завидовало большинство присутствующих в зале мужчин. Не зная о том, что соревнования, выигранные им, были чужими.

Сергеев набросил куртку и вышел в коридор. В узкий проход, расположенный совсем близко к выходу в зал, доносился шум уходящей из зала толпы. Тем не менее в коридоре никого не было.

На выходе из зала толпилось много людей. С тоской и тревогой Юрий подумал о том, что нужно будет давать